

Литературная газета

№ 26 (589)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Среда, 6 мая 1936 г.

Фото Н. Скрабина.

ПЕРВОГО МАЯ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. ТОВАРИЩИ СТАЛИН, КА ГАНОВИЧ, ОРДЖОНИКИДЗЕ, ЯРОСЛАВСКИЙ, ВОРОШИЛОВ, МОЛОТОВ И ДМИТРОВ на трибуне мавзолея.

УКРЕПИМ СВЯЗЬ ПИСАТЕЛЕЙ С БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ГАЗЕТОЙ

Вчера десять тысяч советских газет, с разовым тиражом около 37 миллионов экземпляров, отметили свой праздник — День советской печати. Приветствия работников большевистской печати, М. И. Калинин пишет:

«В мире нет ни одной страны, где бы роль печати росла столь быстро, как у нас. И это естественно — рост грамотности, культуры, коллективизм во всех сферах общественной деятельности вызывает у населения все большие потребности в печати».

Самые пяти миллиардов листов-оттисков книжно-журнальной продукции, предусмотренные планом издательства и газет на 1936 год, — таковы масштабы работы печати, несущей в широкие народные массы великие идеи нашей партии, учение Маркса-Ленина-Сталина, воспитывающей миллионы людей, организующей сознание строителей социализма.

«Самое острое и самое сильное оружие нашей партии» (Сталин), советская печать имеет огромные заслуги в деле борьбы за социализм. Вместе с большой сетью газет коммунистических партий за рубежом советская печать успешно борется за победу пролетарской революции, за торжество социализма во всем мире. Громя врагов революции разоблачает бюрократизм, вскрывая многочисленные недостатки работы во всех областях нашего строительства, советская печать с честью выполняет свою почетную роль: «она формирует воззрение людей, прививает им соответствующие привычки, создает общественное мнение по тому или иному вопросу, она организует усилия масс на выполнение как государственных, так и общественных задач» (М. И. Калинин).

День печати 1936 года Советская страна встречала в условиях, сошедших замечательными успехами советского хозяйства, в условиях огромного культурно-политического подъема масс и роста народного стихийного движения. Успехи социалистического строительства, культурно-технический рост народа валают огромную ответственность на нашу печать. Она должна полностью удовлетворять те повышенные требования, которые предъявляются к ней передовыми людьми нашей страны.

Особенно повышенные требования предъявляются теперь работникам печати: журналистам, редакторам. И здесь, в советской печати, как и в других областях нашей жизни, кадры решают все. Необходимо изо дня в день повышать идейно-политический уровень работников печати. «Отсутствие у многих журналистов глубоких познаний, — пишет «Правда» в передовой от 5 мая 1936 г. — в области экономики, философии, истории и литературы, низкая общая культура — сильнейшая помеха, мешающая улучшить наши газеты, а стало быть, еще выше поднять роль печати в социалистическом обществе. Рост культуры поднимает роль советского народа ставит перед собой новую задачу: борьбу за создание яркой, талантливой прессы. Нам необходимо изгнать серость, скудность, безвкусицу, все еще находящие себе место в нашей печати».

Велика роль и почетна задача — участие в большевистской газете наших советских литераторов. Но еще и по сей день в некоторых кругах советских писателей распространено мнение, что участие в газете мешает творческой работе литератора.

Это предвзвешенное заблуждение. Ведь широко известна роль наших лучших поэтов в газете. Достаточно вспомнить работу Маяковского, Демьяна Бедного в годы военного коммунизма, когда строки их призывно-плакатных стихов действительно были приравнены к штыку. А та гигантская журналистско-поэтическая работа, которая была проделана Маяковским в 1927—28 гг. в «Комсомольской правде», разве не свидетельствует о том, что газетная работа помогает создать такие неувядающие произведения советской поэзии, как поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо».

Почему наша пресса недостаточно привлекает к работе в газете писателей? Это в значительной мере зависит от руководителей работников газет, не сумевших привлечь в ежедневную периодическую прессу литераторов. Редакторы газет в большинстве случаев бросают это дело после первых же неудачных шагов.

На местах особенно чувствуется этот разрыв между писателями и местными газетами. Это необходимо устранить. Нужно заставить и редакторов газет и писательские организации работать дружно, по-большевистски, памятуя, что польза от этого будет обоюдная и газете и писателю, а стало быть, от этого выиграет выросший наш советский читатель.

Тот этап, на котором находится наша страна, предъявляет высокие требования к редактору. И в первую очередь, повышаются требования к редактору художественной книги. Правление союза советских писателей в ближайшем дни созывает совещание московских редакторов литературно-художественных изданий. Кадры редакторов в массе своей еще не обладают достаточной литературно-политической и общекультурной квалификацией. Среди редакторов еще много педантичных ремесленников. Мы должны вести борьбу за редактора-творца, подлинного помощника и авторитетного для писателя товарища по творческой работе.

Особое место во всей системе нашей печати занимает литературная печать. Литературные газеты выходят почти во всех республиканских центрах. Они призваны руководить литературной жизнью края, области, страны. Однако наша литературная печать еще не заняла того положения в литературной жизни, которое она должна занимать как организатор и руководитель.

«Правда» в ряде статей заострила внимание всей советской литературной общественности на необходимости борьбы с формализмом, грубым, бескрылым натурализмом, трюкачеством, слепыми выкрутасами и т. д., за подлинно народное искусство, доступное широким массам строителей социализма.

Как откликнулась наша литературная печать на призывы «Правды»? Литературные газеты эту борьбу повели с большим опозданием. И партийная пресса вынуждена была указывать на это литературным газетам. Так было, например, на Украине, когда украинская литературная газета по-настоящему взялась за развертывание дискуссии лишь после настоящих указаний газеты «Коммунист» — органа ЦК КП(б)У.

Это свидетельствует о том, насколько наша литературная печать отстают от общих задач, насколько она еще мало оперативна, недостаточно поворотлива.

Только при наличии прочной связи газет, журналов с основными писателями, с передовыми читателями нашей страны мы сделаем наши литературные журналы и газеты авторитетными и для читателей, и для писателей, пропагандистами художественного слова, органами борьбы за высокое качество советской художественной литературы.

Этот день

Н. ВИРТА

Сталин взошел на треногое крыло мавзолея в десять утра. Девять с половиной часов стоял он, окруженный своими боевыми товарищами, — все они прошли рядом с ним трудный, большой путь.

Девять с половиной часов возлился через площадь зеленые вали, возникли и затихли песни.

Каждое лицо было обращено к Сталину. Каждая улыбка посыпалась ему. Каждый, проходя мимо, думал: вероятно, об одном:

«Если бы подняться по гранитным ступенькам, положить руку этому человеку или сказать ему что-нибудь хорошее, услышать его голос и почувствовать пожатие его руки».

Час за часом обитали на банне древние часы, и эти часы за тысячами, колонна за колонной, и казалось не будет конца людским улыбкам, приветственным крикам и песням. Задумчиво смотрел Сталин на народ идущий через площадь. Он улыбался, радуясь вместе с народом — потому что, на самом деле, вся наша бескрайняя страна раздалась в этот день.

Великолепная традиция установилась в Советской стране — начинать Первомайский праздник военным парадом и приспой молодых бойцов — на верность народу.

В этот день много мудрости и много величия.

«Вот наше войско, вот оружие, вот наше умение владеть им, — как бы говорил мы всему миру, — вот наша жизнь, вот наша жизнь, которая становится все лучше и лучше, вот любимые боюшники — плечи наших работников, вот наша радость, вот улыбка наших счастливых детей. И лишь для того, чтобы никто не дернул пошевелить на все это, мы и держим наготове свои дивизии, стром авиации и танки, крепости и форты. Можете убедиться сами — это оружие высокой марки! Вот почему бойцы присягают на верность нам — народу».

Погляди на них — это здоровые, сильные люди — цвет страны. Но дело не только в их здоровье и силе. Они знают, за что им придется сражаться (если кто-нибудь попробует напасть на нас): за землю, отданные паевки колхозам, за фабрики и заводы, построенные ими, — за востановление всех фабрик, заводов и всех богатств страны.

Они будут сражаться за единый народ, живущий на нашей земле — надо понять, что это значит. Разрушены стены и перегородки между народами, населяющими советскую землю, а те, кто возволил их для того, чтобы обособлене было гоить и

насилничать — развенны, и корни их выдранны.

Единый, дружный народ живет и работает на нашей земле. У него великая цель. Перед ним открыты все пути, его творческая энергия, томившаяся под спудом многие века, — освобождена, и вот не узнать уже и самого народа, ни его родины — передельная ее лицо, он передельная самого себя.

Собственно ведь про что совсем мало времени — только девятнадцать лет, и сколько уже созданы люди советского племени! Сколько ценностей духовных и материальных накопили они для грядущих поколений.

Вот почему так необычайно радостен был этот девятнадцатый Первомайный праздник статочно и грозно звучал этот момент.

Вот почему так необычайно радостно было видеть Сталина, детей и стариков, стариков и юношак протягивали к нему свои руки, на знаменах рядом с именем Ленина было написано его имя, оно гремело в песнях, его лепетали дети, потому что даже каждый ребенок в стране Советов знает Сталина, его лицо и его улыбку.

Никогда площадь не видела так много детей. Вместе с отцами и матерями они стояли на трибунах и приветили парад вооруженных сил Союза республик.

Вместе с отцами и матерями, сестрами и братьями шли они через площадь, радостные, красиво одетые, здоровые наши ребята.

Хорошо становится на сердце, когда думаешь о работе, которой окружают наших детей — в мире не делается для них столько, сколько в стране социализма. Это поколение увидит необыкновенный расцвет жизни — ради них партия строила индустриальную мощь и крепил границы, и вот пройденные суровые годы лишения, и необыкновенной радостью переполюнились в этот день улицы и площади городов и сел СССР.

Шли стахановцы — она возглавлял пышнейший победный год. И на трибунах уже знали, что железно-объемники готовят сегодня стране едельный подарок, что сталинцы едельны новый автомобиль, что подмосковные уральники приехали на демонстрацию людей, которые перевыполняют нормы не менее, чем в два раза...

Дело солнце, и ветер поднимал пыль, и был дождь, а они все шли, орда за орда, тысяча за тысячей...

Сталин улыбался, махал рукой и кричал что-то людям, идущим мимо него. И только тогда последний человек пошутил площадь, сошел с мавзолея великий вождь большого, сильного и счастливого народа.

М. И. КАЛИНИН РАБОТНИКАМ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ

Излишне говорить о значении печати в нашей стране, — ее важность общеизвестна. В мире нет ни одной страны, где бы роль печати росла столь быстро, как у нас. И это естественно — рост грамотности, культуры, коллективизм во всех сферах общественной деятельности вызывает у населения все большие потребности в печати.

Можно смело сказать: для десятков миллионов людей чтение является почти столь же обязательной потребностью, как еда. Значит, и обслуживание населения печатью делается у нас важнейшей задачей. А это в свою очередь возлагает огромную ответственность на работников печати.

Печать есть «самое острое и самое сильное оружие нашей партии» (Сталин). Она формирует воззрение людей, прививает им соответствующие привычки, создает общественное мнение по тому или иному вопросу, она организует усилия масс на выполнение как государственных, так и общественных задач. Печать — фактор роста культуры и коллективных навыков. Сколько миллионов людей прочитали труды Ленина, Сталина! Мысли этих великих марксистов, при помощи печати внедряются, закрепляясь в памяти, в сознании миллионов трудящихся, превращаются в могучую материальную силу, в революционное действие масс.

Наибольшее количество стоков, поглощаемых мною, падает на газетные строки. Вероятно, я не являюсь исключением, и люди больше читают именно газеты. И как бы человек ни кичился якобы своей полной самостоятельностью в суждениях, влияние на него читаемой им газеты огромно.

В буржуазных странах издательство газеты, книги, как правило, представляет собой капиталистическое предприятие, основной целью которого является прибыль. У нас же газета, как говорил Ленин, является оружием социалистического строительства. Она служит целям коммунистического просвещения масс, целям обучения их жить и строить свое хозяйство без помещиков и капиталистов. Советская пресса служит всему народу. Этим и объясняется та исключительная любовь и внимание, которыми окружают народные массы свою большевистскую печать.

Газетная работа самая трудная из всех литературных работ. Она трудна непрерывностью выхода газеты, краткостью времени для оформления, постоянной спешностью в работе. Наконец, она трудна тем, что газета должна иметь свое суждение по всем непрерывно возникающим практическим вопросам государственной и общественной жизни. Мало того, она должна быть ведущей и направляющей силой, сосредоточивающей общественное внимание на важнейших в данный момент событиях и явлениях.

Отсюда видно, насколько ответственна работа советской печати и ее сотрудников. Работникам печати много дано — они обременены огромным доверием партии, они представляют и формируют общественное мнение нашей великой страны, население которой реагирует исключительно восприимчиво на каждое выступление издания. А кому много дано, говорит старая поговорка, с того много и спрашивается.

В день советской печати мне бы и хотелось высказать работникам печати несколько пожеланий.

Наша печать — печать большевистская. Следовательно, ее работники должны уметь к каждому частному вопросу подойти по-большевистски, так поставить свою работу, чтобы каждая газетная строка метко и своевременно была в определенную цель и помогала партии в ее большом и сложном деле руководства строительством социалистического общества.

У нас не должно быть скучных газет — скучная газета наполовину теряет свою ценность. Интересное содержание советская газета должна создавать с прекрасной формой изложения. Язык газеты должен быть ярким, народным, т. е. простым и ясным, доступным миллионному читателю. Всего этого невозможно достигнуть, если культура самих журналистов не будет расти. Пропагандируя грамотность и культуру на страницах газет, советский журналист сам должен быть всесторонне образованным человеком, хорошо знающим порученное ему дело.

Большую роль играет сама техника газет и журналиста: печать, клише (рисунки и фотографии), расположение материала, выбор шрифта, заголовки и т. д. Все это должно делаться обдуманно и со вкусом. Повторяю, это имеет огромное значение для читателя. Не случайно товарищ Сталин с такой тщательностью следит за каждой мелочью в газете.

Приветствую работников печати с праздником и желаю им еще больших успехов на их почетном поприще.

Самод Вургун О ВЕСНЕ

Гляжу на тебя, весна, разгорается взгляд: Ты — зеркало юности вольной моей, весна! Облака твои легкие нежно на землю глядят, Останются что-то сказать, только речь неясна... Ты — зеркало юности вольной моей, весна! Я с тобой неразлучен, хоть годы лежат позади... Жизнь сурова была, жизнь великой борьбе отдана, Но привольно и сладко вдохнула родная страна! Весь я в будущем, в новом, и все мне открыты пути! Горячо и стремительно кровь моя в жилах поет, Много в сердце желаний, и все они сбываются хотят, Кто мне скажет: «любовь — лишь пустая забава» — солжет! Есть и верность, и честь, — их живая любовь бережет. Много в сердце желаний, и все они сбываются хотят! Все поведаю миру, а первой скажу это ей: Целым миром желаю владеть, всем, что есть на земле! Буду петь и вальдить, как поет и твердит соловей: Жизнь — великое счастье, что может быть жизни жней? Целым миром хочу я владеть, всем, что есть на земле! Перевел с английского А. АДАЛДИН

1 мая 1936 г. в Мавзолею на Красной площади. Дети на трибуне.

Зарубежом

Фашистскую литературу в Италии не читают

В Италии к книжной продукции Германии... Фашистская литература в Италии не читается...

Французские переводы русских классиков

В издательстве «Нувель Ревю Франсез»... Французские переводы русских классиков...

Советская литература в Румынии

В крупных городах Румынии... Советская литература в Румынии...

Книга о Дусе Виноградовой

В Нью-Йоркской «Дейли уоркер»... Книга о Дусе Виноградовой...

КТО ПРАВИТ НЕМЕЦКОЙ ФАШИСТСКОЙ ПРЕССОЙ?

В 16-м баварском запасном пехотном полку... Кто правит немецкой фашистской прессой?

Тема неожиданной встречи друзей... Кто правит немецкой фашистской прессой?

«Иной была судьба встречи на мюнхенской площади... Кто правит немецкой фашистской прессой?

На этот раз разговор восток уже более конкретный... Кто правит немецкой фашистской прессой?

Аманн вполне определенно, но будущее... Кто правит немецкой фашистской прессой?

Макс Аманн еще задолго до прихода фашистов... Кто правит немецкой фашистской прессой?

Почти во всей Европе сильно упал спрос на немецкую фашистскую литературу...

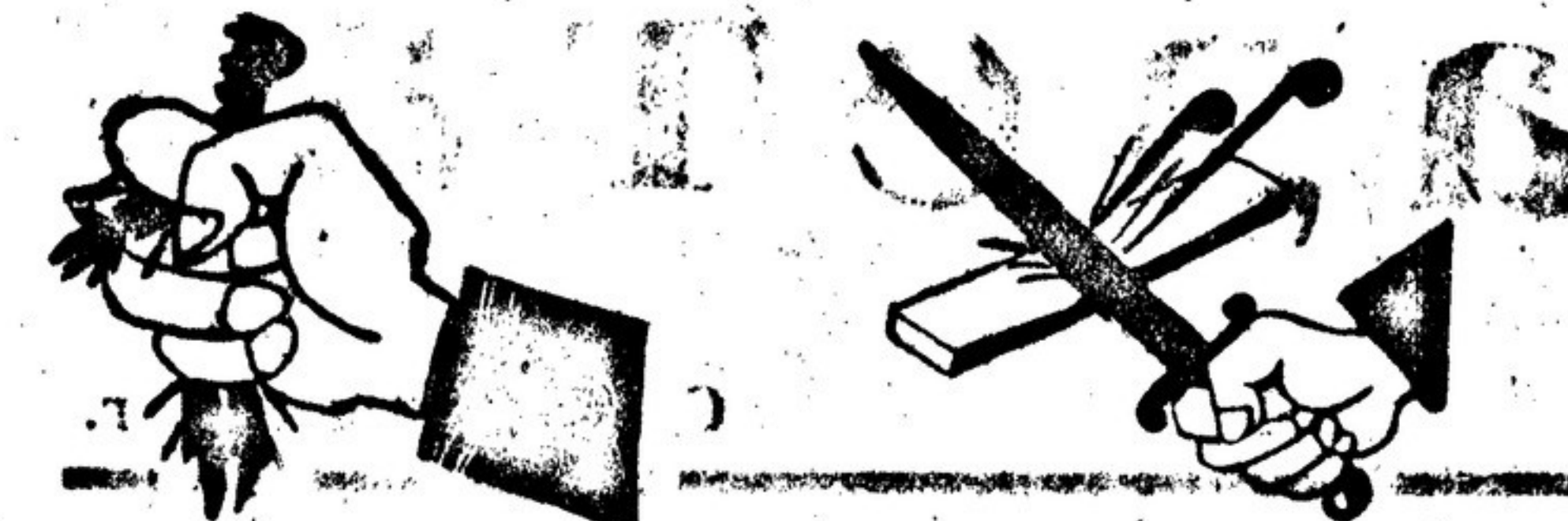
В Финляндии, например, сообщает корреспондент немецкие книги, издаваемые в Германии...

Корреспондент германского издательства сообщает в своей анкете, что во Франции...

В издательстве «Нувель Ревю Франсез» вышли «Братья Карамзинские» в переводе Апри Монто...

В крупных городах Румынии — Бухаресте, Галаце, Констанце — за последнее время чрезвычайно возрос интерес к книгам советских писателей...

Аманн вполне определенно, но будущее, бесспорно, является местом важного мюнхенского бухгалтера...

СОБСТВЕННУЮ РЕВОЛЮЦИЮ ЧУДИШЬ,

ВОТТОЧИВ НА РСФСР КОРТИК

ПЛЕЗЕТ НА ПОМОЩЬ ВРАНГЕЛЮ ВЕНГЕРСКИЙ ПАЛАЧ ХОРТИ

ЭТО ТОВАРИЩИ, И ЭТО НЕ ЗАБУДЬТЕ КОГДА ЗА ПОМОЩЬ БЛАГОДАРИТЬ БУДЕТЕ!

Одна Ростя. Плакат Маяковского. Публикуется впервые.

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ МИЛЛИОНОВ

В первомайские дни мы посетили книжные киоски и магазины Москвы...

Сколько раз издавалась «Железный поток»? Двадцать три раза...

И то что они только делают, ворчал один из покупателей... «О ком это вы так?» — осведомился мы у него.

«Как велики тиражи произведений Максима Горького?» Колоссальны. Одна повесть «Мать» издана в количестве 966 тысяч экземпляров...

«На языках народов СССР вышло 19 изданий «Поднятой целины»... «Каков тираж «Чусым»?» На двадцать тысяч меньше «Поднятой целины»...

«Двадцать семь лет изданий в том числе сорок изданий (287 тысяч экземпляров) вышло на языках братских народов СССР...»

ИДЕЯ И ПЕРСОНАЖ

В. ГОФФЕНШЕФЕР

«Ни одного дня не прошло в Европе после Октябрьской революции... Идея и персонаж в литературе»

«Идея и персонаж» — это интеллектуально-идеологический уровень... Идея и персонаж в литературе»

«Идея и персонаж» — это интеллектуально-идеологический уровень... Идея и персонаж в литературе»

«Идея и персонаж» — это интеллектуально-идеологический уровень... Идея и персонаж в литературе»

«Идея и персонаж» — это интеллектуально-идеологический уровень... Идея и персонаж в литературе»

«Идея и персонаж» — это интеллектуально-идеологический уровень... Идея и персонаж в литературе»

«Идея и персонаж» — это интеллектуально-идеологический уровень... Идея и персонаж в литературе»

П О М Н У Р И А Л

СПАСИБО ИМ ЧЕТЫРЕ ДНЯ В СТРАШНОМ ДОМЕ

Редакция «Нового мира», превратив в очерк о Георгии Чулковом и Пантелеймоне Романове. Отметим еще как заслугу редакции, кто не знает этих имен!

Речь идет о «Путевых заметках» Г. Чулкова в № 12 («Нового мира») за 1935 год, об очерке П. Романова «Четыре дня в страшном доме» в № 1 за 1936 год и его же очерке «Новые люди» в № 3.

«Заглянув в пять овалов, больше, чем мелкими перелатами рам окна, — выхватывает свою поему в прозе П. Романова, — я вижу там расклеванные добела жертвы печей и соображаю, что в шубе там будет жаровня и, пожалуй, небезопасно для моего простудленного горла».

Он стоит перед нами, как живой, — этот болезненный человек, чуждые высоким мыслям и чувства, которого неутомимый рок тянет к огненной печи. Да, так оно и есть: «Я стараясь поскорее прошмыгнуть мимо пылающего жары горна, но тош. Шабашовки ползком, а чуждым лесом, поехали на какое-то календарь, и говорят: — Вот, посмотрите, как быстро расклевается металл. Подойдите поближе». — Не надо, спасибо, и я так хорошо вижу. Затем мешать работать? — Да нет, вы насколько не мешайте, подходите». И подтягивает меня за рукав к оковой печи. В печи жаром лежат металлические бруски, концы которых раскалены уже добела. Рабочий в фартуке и кожаных рукавицах хрустит их клещами и кладет под пресс. Бруски превращаются в колесные спицы. Над бесконечными рядами станков с ступающимися около них людьми стоит сияющий легкий туман, уходящий под крышу. Тош. Шабашовка, пригнувшись к моему уху, сквозь гуд стучок говорит: «Теперь в колесный цех».

На этом и заканчивается глава о кузнечном цехе. Здесь лирически-убедителен прежде всего образ самого Пантелеймона Романова: «Поблизже... «не надо, спасибо...» подтягивает меня за рукав к самой печи... Сдержанно-лирически производственный пейзаж. Впрочем, думаю и тут комментарию».

В духе Романова начинается свой очерк о Баку и Георгии Чулков. Он раскрывается тем самым лирическим очерком «Баку», увидев Сталинский завод и не написав очерка — как-то даже неловко». Чулков еще

более, чем Романов, декларирует от отношению к советской власти. Он все время подчеркивает свою «свободность» и даже, больше того, уверяет рабочего-теплотника, он пишет: «Я стоял с товарищем художником и с двумя сотрудниками московских газет. Мы, артисты, чувствовали себя как-то виноватыми. И, по крайней мере, испытывали это чувство. С этим чувством виноватости Чулков осматривает нефтяное производство. И вот я шел покорно за Александром Ивановичем от печи к кубу, от куба к трубе... но правда сказать, меня больше интересовало... Что же имелось? Конечно — выходящая историко-культурная перспектива. Равно, я охватывал нефтяными вышками, не замечая возвратиться к древним временам культуры? Читатель, занимающийся самообразованием, узнает, что нефтяная вышка похожа на... вход в ланитский ад, где написано: «Оставь надежду навсегда!», и ты балансишь — промисла напоминают... «иные гравюры Паранова» и, что борьба за нефть похожа на... «плодотворный гигантский театр, какого-то нового страшного Колызея».

Но всего удивительнее та «французская» всепримчивость, которую проявляет отношение Чулкова к жизни. «Я калашника, — пишет он, — даром и цитируюсь. Лимонов здесь, правда, не так много, как в Испании. И в маляриях падают неловко. И то хорошо, и это не худо, и жить в советской стране, при всем чувстве виноватости, право, не так уж плохо, а, пожалуй, даже приятнее, чем в старом царстве». «В четвертом цехе преобладают, по-видимому, женщины. Меня сначала охватывает ступор, а потом приходит понимание. Как это могло быть? Да, — как бы когда-то писал, — я принимаю советскую власть, и даже ее диктуются нефтяные вышки, поющие на ныне пейзажи Паранова. Мы не должны в произведении Чулкова искать Баку и, как так, как такое. Ничего не так, Чулков сообщает: «Не знаю, догадалась ли она (продовжательца по заводу), что я усвоил далеко не все из ее сообщений. Но, во всяком случае, я, право, кое-что усвоил и очень этим горжусь».

Мы не должны искать каких-либо реальных фактов и реальных людей в отделе «Люди и факты». Нет, для Чулкова Доббас, или Запорожье для

Романова — лишь повод для «широчайших философско-культурных обобщений». Написал же Пантелеймон Романов очерк «О детях», не располагая никакими фактами, кроме собственного пальца. Этот очерк начинается так: «На шахте имени Петровского в Доббасе у меня назвначена встреча со стахановцами, ударниками и мастерами угля...» как на дворе страшная «задымленность» которой все дороги точно покрыты стертими «вышками» задымленности. Со своим простуженным горлом Пантелеймон Романов равно приехал во «Дворец культуры». «Но знаю, о чем я думаю, но мне было необычайно приятно сидеть в этой большой, ярко освещенной комнате». В эту комнату вошел подросток и присел к пишанию. Романов дает следующие комментарии: «Прошлякнули социализма всегда и повсюду, что социализм убивает индивидуальность. Мы все видим, как партия и правительство относятся к нас к развитию индивидуальности».

Нужны ли здесь какие-нибудь дополнительные факты? На этом примере полностью подтверждается абсолютная правда П. Романова, теория, что в себе и для себя, романтика и врага всякого опыта. Понятно ли для нас, какие «необходимые горизонты» открывает для советских писателей метод Пантелеймона Романова? Например, вы входите в трамвай, одновременно обогатив себя двумя-тремя сообщениями от вокзала, когда спрашивает: «Граждане, у кого нет билетов? У нас поживаете чувство какой-то виноватости. Вам даже как-то неловко не написать об этом очерке. Вы усвоили, что враги социализма усердствуют, будто социализм разрушает коммуналное хозяйство, в то время как, нет, оно его не разрушает. Вот вам и готовая основа очерка».

«Авторитет писателя сильно возрос со времени «седа писателя», — пишет П. Романов. — Наряду с чувством ответственности рождается большая радость от сознания, что ты своей работой можешь дать лишнюю крупицу радости, бодрости этим людям, кущим великое будущее».

Вот мы и получили крупную радость, крупную эстетическое наслаждение, крупную подлинную культуру от редакции «Нового мира». Спасибо ей за это!

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

Во времена Чехова «страшно» — это была пошлость захватывало, побуждало под собой много ярких натур. Чехов видел это на каждом шагу, и он создал замечательно правдивые трагические образы людей, превратившихся в обывателей. Тема обывательства могла тогда подниматься до трагедии.

Чехов брал ее в плане гибели человеческой личности. Путь многих человеческих героев был драматичен и страшен.

Человек, вступающий, как улитка в своей скорлупе, в то время, как мир потрясается великими событиями, для которого писателя не может быть трагическим объектом. Здесь уже нет речи о гибели личности. Самая большая перемена, которую переживает человек, за человека. Люди превращаются в предметы в действительности. Но рядом с формами революции, рядом с людьми, интуитивными помысли, парадоксально жалкие существа, парадоксально проказли обывательствами. Все это в наши дни уже не трагично и обращено в комедию.

Некоторые «советские» писатели, отходя не трактуя тему обывательства, трагически, берут ее, однако, изобразительно, а именно в легкой «колдованной» крут.

Обыватель знаком нам из многочисленных рассказов. Его отрицательная протекция флюидом корчит нам рожи, выливая из-за строчек различных книг, смакуя свое собственное уродство, злобно напоминая читателю о своем существовании.

В. Гросман совсем иначе подходит к своей теме. Прежде всего его само нисколько не пугает образ обывателя. К своим персонажам автор относится спокойно, без какой-либо нервной, умеет поставить каждого героя на свое место. У Гросмана есть хорошее чутье насчет каждого образа и потому мы слышим

не кажется ему никакой грозной силой. В рассказе «Четыре дня» обыватель — это доктор, ничтожный морально человек. Он корыстен, не ищет и отрицательно эгоистичен. Конечно, классовые конфликты представляются ему прогнившими, не заслуживающими внимания. Этот врач-обыватель нисколько не трагичен, как, например, чеховский «Ионыч» (тоже, кстати, врач), полный романтических мечтаний и вности и такой разжиганий, угрюмый, человек, уже почти без телесческих черт к концу рассказа.

В моральной душе Ионыча — оловянная прогнившая невинность и жалость, побуждавшая его. Этот человеческий экземпляр мог бы прожить себя иначе, живи он в другое время. Иное дело — психологический облик обывателя-доктора у В. Гросмана. Он нисколько не обывател. Он весьма благодушен и встал в хорошем настроении! Такое внутреннее дружелюбие — стив его жизни. Он обобщает о том, что из всех врачей во время перестрелки, он сам верит в то, что это от добрых чувств, а не из корысти. А между тем, жалость его хорошо известна всему городу. Он разрешает себе поблизко поговорить о политике. Он полон самолюбивости. Когда он говорит: «Я хочу знать только одно: почему во время революции, которая, якобы, должна была принести людям, в первую очередь страдают дети, старики, беспомощные и ни в чем не виноватые люди» — он уверен в том, что защищает культуру, отстаивая ее перед людьми, которые не могут понять то, что ему давно уже ясно. В этом человеке, должно быть, никогда не было «романтические мечтания».

В доме у доктора, благодаря доброте жены три большевика, скрыты полжизни. И здесь Гросман показывает «кавалера» и «короля» жизни. Своим обывателем В. Гросман знает прекрасно и вот он сталкивает его с козлами жизни, большевиками. Эти

отличные люди живут настолько нной внутренней жизнью, чем услужливые, трусливые, глупые хозяева дома, что его реальный облик представляется им чем-то вроде вредной надоедливой инфузии.

В. Гросман избегает «малейшего» психологического лиризма в описании взаимоотношений большевиков и докторов. В рассказе никто из большевиков не смотрит на недовольство их характера не стремится испугаться до докторов в серьезный разговор, объяснить ему сущность происходящих явлений и т. д. И в этом тонкая правда рассказа. Автор не желает лиризм в читателе. Он целиком честен. Вот смотрите: умные, смеющиеся, хорошие люди — это большевики. А вот рядом львунго, со всеми внешними человеческими чертами, человек, для которого все уже давно решено, ничто не должно меняться. Несмотря на то, что город охватывает отчаянным белым террором, наш герой приносит знаменательную и типичную для обывателя мира фразу: «Это ничего, в центре города они себе ничего подобного не позволяют, у нас даже отсюда парадная дверь». Здесь только стремление оставить все, как было, и если есть надежда, что этому помогут белополки, фашисты, убийцы детей, то пусть приходят, пусть жмут деревья, убивают людей на окраинах, пусть только здесь, в центре «парадная дверь» будет открыта.

Та атмосфера жизни, которая для такого человека, как доктор, является нормальной, и не только нормальной, но единственно возможной и необходимой для его существования, — эта жизненная атмосфера трех большевиков, скрывавшихся у него в доме четыре дня, представляется люткой Ионыча этим словом обывателя: «Ионыч» — это человек, который не смотрит на то, что от них забываются и жена доктора проявляет к ним самое дружеское внимание. Эти люди настолько привыкли к иной обстановке, что прытк отравительной затхлостью дома они не в состоянии вынести.

«То, что он находится в захваченном поляками городишке, не волновало и не беспокоило его. Он знал,

что найдет способ выжить голодом, как делал это уже десятки раз. И только, когда он вспоминал дом, полный дорогих и глупых вещей, разговаривая со столом, ужином, обедом, чаем, он забеспокоился, начал думать, как страшно было бы вдруг заболеть и пролежать здесь несколько недель». Так думает один из трех — старый большевик Верхогурский.

В. Гросман так раскрывает жизнь доктора во всех ее деталях, делает это настолько убедительно, что слово «страшно», сказанное Верхогурским, именно при воспоминании о такой жизни дома, а не о внешнем мире, полно обности для него, является убедительным и точным.

В. Гросман не кончает рассказ внешне мажорными тонами. Город пока еще не выт обратно красными, и три большевика тихо и тайно продолжают гостеприимный, но «страшный» для них дом. Мы не знаем других их поступков, но мы знаем, что они в этот момент, как В. Гросман рассказывал нам об их мыслях, настроении, ощущениях, и мы знаем, как будут поступать эти большевики, когда они не будут находиться в обстановке вынужденного бездействия. (Здесь у В. Гросмана много родственного с «Лазаря» и «Стороной».) Писатель показал отношение этих людей к сыну доктора, подрастку. Три подлинных большевика уже в самом начале действия борются за раскрепощение человека, подтягивают каждого способного включиться вместе с ними в эту борьбу, готовы в процессе жестокой классовой войны воплотить новую культуру, раскрыть ей великий смысл происходящего.

Слова старого большевика Верхогурского о грядущей жизни, обращенные к Коле, гуманны в самом лучшем и подлинном смысле.

В. Гросман знает старую тему об обывателе и разработал ее в плане столкновения двух культур — культуры подлинной, гуманный, глубокой и замечательной и культуры мнимой, бессодержательной и расковой.

А. КОТЛЯР

Фото ЗИБЕРТ, МАЗЛЕВА и ДЕМИДОВА (СЮЖЕТО).

1 мая 1936 г. в Ленинграде. НА СНИМКЕ: нетемперированные демонстранты в исполнении завода ГОМС им. ОГПУ подходят к площади Урицкого

РАССКАЗЫ П. РУСИНА

Наше толстые журналы легкомысленно бедны. Они печатают немало лишнему ненужной, неинтересной, безвкусной литературы. Редко, очень редко встречаются по-настоящему талантливые произведения. Помимо блеска речки удач и разрозненных беззастенчивых весьма частых бранных, встречаются также «средняя», но безусловно добротная литература, в которой есть все возможности дальнейшего роста. Многие зависят от того, как будет работать писатель, найдёт ли он оригинальный тон, сумеет ли развить свои достоинства, преодолеть свои недостатки. К такого рода литературе относятся рассказы Русина.

Рассказ «Лицевой счет» свидетельствует о хорошем намерении автора проорать шаблоны условности и клише (главный герой рассказа), являющийся в совершенстве металлургическое счетоводство, никем не осуждавшееся и признается всеобщим. Он незаметен, робок, обходитель. Неожиданно, полувлажной встречей с другим деятелем, членом Революсовета, у него протравливается поток негодования на людскую невинность, и на своем незначительстве. Его характеризует жалкая «быть отмеченным, быть в первом ряду». «Быть отмеченным» — это не просто, это великие книги «счета» по необходимости, умкается, шешет тем, что он знает, как вести. Ничтожный Пуль у Никитина — демоническая личность.

Представитель Кривошапка — карточный злодей и выгнан.

Нормальный человек в рассказе не встречается. Все выхоронено назидание, софистические несообразные поступки.

Рассказ имеет «двойное название» «Двойная ошибка».

Почему двойная? Чья ошибка? Не ясно!

Вот кто живет в хорошем городе Ленинграде писатель Николай Никитин.

И вяду — на тебе! — бросает камнем в витрину, для того чтобы напомнить о своем присутствии в литературных рядах!

Н. ПРУС

интересно задуманный образ, с социальным, смелым, не законченным, направлением во ложному пути. Переброска действия на реального плана в психологию превращает Посторония в психолога и чужака, а его законе недовольство в скандальное чудачество. Композиция рассказа не проломана, естественна: концовка (названная Посторония руководителем курсов металлургического счетоводства) соответствует началу рассказа и помогает верно понять замысел автора, но эта концовка не вытекает из развития действия в рассказе и носит вынужденно-тенденционный характер.

Неоригинальность образа, неподчинение образа замыслу автора наблюдается и в рассказе «Маховик». В главном герое (мастер Иван Семенович Пронин) автор хотел показать сложную психологию человека, борющегося со свое производством, человеком, для которого работа на заводе стала глубокой личным, первостепенным, жизненным делом. Большая любовь к своему труду — рождает неясность в действиях и суровым, в натуре и в его много горит жесткости к людям. Автор хотел показать, что суровость, грубоватость, требовательность Пронина — это любовь к товарищам по труду и к шумному за стенами завода прекрасному новому миру.

Но образ Пронина опять, как и в первом рассказе, сдвинут в гротескный план. Рассказ начинается так: «Все жизнь Ивана Семеновича Пронина жила в мушкетерах. Он преследовал его всюду — эти скатели даром изобилии. Они полади на него пешим строем и были похожи на голубую, бескрылую саранчу. Они проносились через прохладный завод, входили в новый трехэтажный цех и нагло становились рядом с ним». Получается что-то вроде «солдатской Нелюбовки», провозглашающей: «Вот все цехи, даже стволы стенок, и безумно». Переломная («Мелкий бес»). Малыхалка большая музыкальность для чего-то приписана лучшему производственному и коммунисту.

В результате вместо типического характера малоубедительным и малочисленным чудак. В результате вместо любви к товарищам по труду и к новому миру припалки «оглушительной» невинности, внезапной и неудержимой, как бешеного; вместо человеческого лица — чудовищно стандартные протезы, нетерпеливо жаждущие и неясно жаждущие даровой смерти.

Пронин небрежен, невнимателен к людям: к жене, к товарищам, даже к самому себе. Для него машина дороже человека: «Прилет и улет, — велика дела — Пронина не достигалась. А вот маховик, — этот надолю остепеня». Получается, что положительный герой, на стороне которого все симпатии автора, начинает вытесняться совсем оборотные функции, начинает ускользать из-под власти своего творца. Автор его чувствует и с najveей тенденциозностью стремится к выводу, полагая героя (шестьдесятый веролом взаимноотрицательной героини с Гришкой Чукуриним, утешительные конфеты семейства несправедливо обиженого Костянина). Русин утратил правило показать любовь героя к труду, но не утратил показать отношение этого героя к людям, вытекающее из его отношения к труду. Естественную злобность характера автор подменяет неестественным чудачеством.

Рассказ «Неизвестный день» тоже интересен по замыслу. Главный герой, чертежник Голубев, показан преимущественно в личной жизни, а быт у него взаимоотношений с любящей девушкой, с соседями, с прислуживающей его старушкой, с дворником и т. д. Единство человеческой жизни (личного и общественного) не создается, жанрово-литературная интересная тема. С убедительной искренностью показал Ник. Островский в романе «Как закалялась сталь», как нам должен быть человек в личной жизни. Панел Корчагин любит своего брата суровой любовью без признания, он любовно заботится о своей старухе матери, он влюблен в красивую девушку, он влюбленно играет на гармонии или, запевает хором.

И эта любовь к родным, к девушке, к музыке приобретает у Корчагина особое благородство, ни с чем несравнимую теплоту, которая свойственна человеку, живущему большими идеями, человеку с душой революционера-борца. В частной жизни Корчагин все тот же большевик, настоящий человек, — от него бурливо отскакивает все мелкое, мешающее, обывательски-недостойное.

В рассказе «Неизвестный день» Русин изображает ничтожного человека, жалкого нахлебника, эгоиста, для которого работа, труд — лишь средство эгоистического, утробного благополучия. Поэтому у Виктору Голубеву так и липнет все плесень быта, он галенный, маленький и в общественном и в личном, во всех смыслах, во всех планах.

К сожалению, в этом рассказе автор утратил способность изображать внешние комические положения: перелуганный котенок срывает с тахты мебельную материю, и в большом конфузу матерья открываются мешки с мукой, застывшие старым ватным одеялом; или герой садится в вагун, чтобы вскрыть себе вены, но потом чубышка и бросает мысль о самоубийстве.

Отсюда далеко не всегда удачный тон рассказа: вместо юмора или проин — дешерево, возмездно-обывательское остроумие.

В рассказе Русина есть смелость, свободное обращение с материалом, хорошее чутье слова: «День был солнечный, и Посторония встретил его как своего блестящего союзника», «старички толпами в памяти Посторония отразилось детство. Оно крикнуло петухами, обило его грибами заплодом, и по дороге побежали два мальчика — Фокя Посторония и Коля Семин, карямы из раздувшихся от наворованных яблок».

К сожалению, писатель не всегда управляет своими образами, не всегда умеет правильно и естественно раскрыть характер своих героев.

В. ВРАНИНА

Размышление о повести

Во второй книге «Красной ковчега» за текущий год опубликована повесть Ник. Попова «Петровы».

Маленькая повесть эта пленяет читателя свежестью, ясностью и сжатостью языка, точностью характеристик и осязаемой яркостью фона.

Автор показывает далекий, деревенский мир — мир семьи, деревенской, уютной, с бесконечными, близкими, тудаловатым, отцом, ветно раздраженной матерью; походы на богомолье у холщевых мешках за спиной, в «студийные дни» — варенье, пенящиеся над огнем в медном тагу; вечная работа о деньгах, о сжигать, тягостные поиски занятий для подрастающих детей, и, конечно, ссоры, брань, взаимная ненависть, общий страх перед завтрашним днем. А рядом — купцы, до малинового цвета развлекавшиеся в банях, любители помарного мастерства, вышнечивающие на-за границы развальные лестницы и спасательные полотна, чтобы забавляться в праздник, и поны, благословляющие тусклою и странную жизнь, и руководители «русского» банка с французским капиталом.

Повесть моватча. Она составлена из самостоятельных озаглавленных главок, каждая из которых имеет название в прошлом, наведя умелому. Ненависть сибиряка «моро» — так можно вспомнить о былых тягостных днях, когда жизнь напоминала, когда жизнь стала легка, светла, радостна.

Ник. Попов впервые выступает в печати. Больше того, «Петровы» — первая проба пера. Автор — не профессиональный писатель, за ним много лет партийной и хозяйственной деятельности.

Тем любительству и ценнее этот его первый литературный опыт.

Мы не впервые являемся свидетелями значительных литературных удач товарищей, основная профессия которых вовсе не литература.

Несколько лет назад вышла книга инженера Шейнава «Что я видел в Америке и что осталась в СССР». Книга эта неожиданно све-

детельствовала не только о высоких производственных качествах молодого советского инженера, но и о художественной зоркости и наблюдательности автора, о его бесспорной литературной талантливости.

В ближайшее время в «Истории гражданской войны» выходит книга «Лазаря» Попова, составленная описаниями не писателями-профессионалами, а непосредственными организаторами и участниками партизанской борьбы с белогвардейцами и японской интервенцией в Сибири. Все без исключения очерки здесь не только насыщены богатым материалом, но и отмечены крупными литературными достоинствами. Нельзя без глубокого волнения и страстного воодушевления следить за рассказом П. М. Постышева, одного из авторов этой книги.

Произведения эти обещают советскую художественную и очерковую литературу.

«Петровы», повторяем, первый опыт. Автор обнаруживает в повести исключительную сдержанность, ясность, простоту, т. е. все те качества, к которым профессиональный автор не всегда приходит и после многих лет настоящего труда и типичных успехов. Характерная особенность повести Ник. Попова — предельная сжатость, возникающая от обилия наблюдений. Ему многое хочется сказать, и поэтому он ограничивается одной выразительной и запоминающейся фразой там, где писатель с ограниченными материалами и неограниченным опытом решает бы длительные упражнения с психологическими проявлениями в тайно-тайных человеческой души.

Отец пишет Пил. Торговый маклер, он отличает повел свои дела. Год он не пил, и семья стала жить значительно лучше, и сам он ожил. Увы, счастье оказалось непродолжительным. Вот как сообщает автор о катастрофе.

«Отец поехал как-то в Нижегородский армяку, семья жила на даче. Мать — статная, варла на ему выпившее впрямь. Едет ввозчик. Отец — а пьяндрев. На коленях

большая гармония. У кот сидит такса. Мать горько-горько заплакала». Или те несколько строчек, в которых сообщается о гибели одного из братьев — Сережа, баловский служитель, застрелился. Отчаяние в доме. Отец уже силится и пропал куда-то. Сережа был единственным «обитчиком» в семье. Его младший брат Вася, томился, слушает у себя в комнате, как кричит мать за стеной. Ощущение тяжелой потери дано в одной фразе. Сережина восторг слезит не тронутой.

«Сережина кроват следит за Васей» — пишет автор и тут же переходит к новым событиям в жизни Петровых, к новым их делам и дням. Автор торопится, он окупится на слова, потому что у него в запасе много интересных сообщений.

Испытывая непререкаемую потребность, партийные деятели, хозяйственные работники, непосредственные участники революционных боев, организаторы побед революции на больших и малых участках, рассказывают о своем отношении к своей жизни. Они утратят время от сна, ибо не в состоянии противиться своему желанию.

И такой равноостроитель, такой многообразной, такой глубокой стала их культура, что они, не будучи профессионалами в литературе, пишут, нисколько не уступая признанным профессиональным мастерам.

Но пишут все же очень немногие. И, конечно, не всем из тех, кто пишет, удается создать некое художественное произведение. Между тем, поколение непосредственных участников революционной борьбы, так же, как и поколение героев бытилистического строительства, может обогатить и писателей, и драматургов драгоценными материалами своего жизненного опыта.

Так сама социалистическая деятельность нашей родины настойчиво подталкивает советскую литературу и советских литераторов источнику их высокого водъема и реального обогащения.

А. ВРАНИХ

Намнем в витрину

Милая девушка Лиза вышла замуж за одного из больших людей Эрванта» Богдана Хататриана. Какой-то загадочный епископ, разумеется, в любовной расе, служил по сему случаю языческому обеду (!), одновременно ухитрився целовать перед большевиками атеизмом и ухаживать за девушками.

Бедная Лиза провела ночь, как сообщает автор, преледом с женихом в постели, но, увы, утром расстрелянный Богдан Хататриан убежал из дома в городской сад на свидание с «своей» женщиной». Брак расстроился.

Тут подошла к девице Лизе, попутно перекладывая, сделавшись фотографом судостроительного треста, и начал сватать свою жену ближайшему начальнику инженеру и твердокаменному пролетариату Пронину.

Твердокаменный Пронин сперва сопротивлялся, потом сдавался, затем от него уходил жена Мальвина, и Пронин «ждет идет на попятную».

«Лиза, я не могу жениться, — говорит он. — Нельзя просто жениться. Надо знать — зачем».

Обескураженный Пуль, потерявший физико, чуть не разрыдался от досады. Дело пошло! Он перемудрил.

Такое содержание рассматриваемого нами рассказа.

Герой этого произведения нарекает высокие и драгоценные мысли:

— Все жмы чужие до поры до времени.

— А я-то думаю, что можно жить в одной женой.

— Верны только неграбствам, больше, Файтиги.

Диалоги героев полны блеска:

— Лиза встала с дивана.

— Я не просила у вас ребенка. Вы, стоясь со мной, сами спросили у меня ребенка. И я родила.

— Как аппарат...

— Вы жец.

— А вы мать, двойная расстреляна.

Или так:

— Что вы врываете? — Мальвина усмехнулась.

— Я не знаю.

— Жить вместе? По французским романам.

Мальвина рассмелась.

— Я не знаю. Я пришла к вам как к любовной похлебе.

Лиза ушла в красное, откинувшись на спинку, заплакала, заломала назад руки.

— Таме, Лиза. Ваши чудесные крыльшища могут испортиться».

Кто же это охватил мир «развешенный, в котором единственный герой, скрывающийся под равными именами — пошлое!».

Может быть, милые зам добровольных времен Вербунка и Напродская, вставая на гроба, возобновили свой «борьду» литературную деятельность?

Но в таком случае почему же в рассказе фигурируют большевики, князь, председатель закона, инженер и директор советских трестов?

Видите ли, по секрету мы можем сообщить, что заложники нами можем

какая, названный «Двойная ошибка», написан советским писателем Николаем Никитиным и напечатан в редакцией журнала «Звезда» в первой книге за 1936 г.

Это Николай Никитин одел в советское платье и вышел на советскую улицу великообразных согражданин, силясь убедить читателя, что они имеют полное право на существование в наше время.

Это Николай Никитин обмыкнувшему советскую девушку Лизу, дочь большого инженера, превратил в кающую жену Пентефиди, соблазнающую Иосифа.

Это Николай Никитин бывшего Пронина изображает в виде прекрасного Иосифа уряднического масштаба, «сакета по необходимости, умкается, шешет тем, что он знает, как вести».

Ничтожный Пуль у Никитина — демоническая личность.

Представитель Кривошапка — карточный злодей и выгнан.

Нормальный человек в рассказе не встречается. Все выхоронено назидание, софистические несообразные поступки.

Рассказ имеет «двойное название» «Двойная ошибка».

Почему двойная? Чья ошибка? Не ясно!

Вот кто живет в хорошем городе Ленинграде писатель Николай Никитин.

И вяду — на тебе! — бросает камнем в витрину, для того чтобы напомнить о своем присутствии в литературных рядах!

Н. ПРУС

ТЕХНИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

В тот день, когда на мой стол...

Высокая гражданская скорбь!

Мо какая цена этой скорби...

В период первой пятилетки на площадках всех без исключения строителей...

Грохот, лязг, стрекот невиданных дотоле машин...

Ворне Атанов стал работать над очерком в 1930 г...

«Книжки удачи... У Форда в реборот...

Успех Атанова заключался в его правдивой оценке очерка...

Ворне Атанов. «Технические рассказы»...

Вот настольные игры: квадратный картон, мутная смазанная печать...

И Атанов честно, в меру своих сил, выполняет это требование...

К такой гипотезе нельзя, конечно, подойти, обычным путем описания предметов, событий и людей...

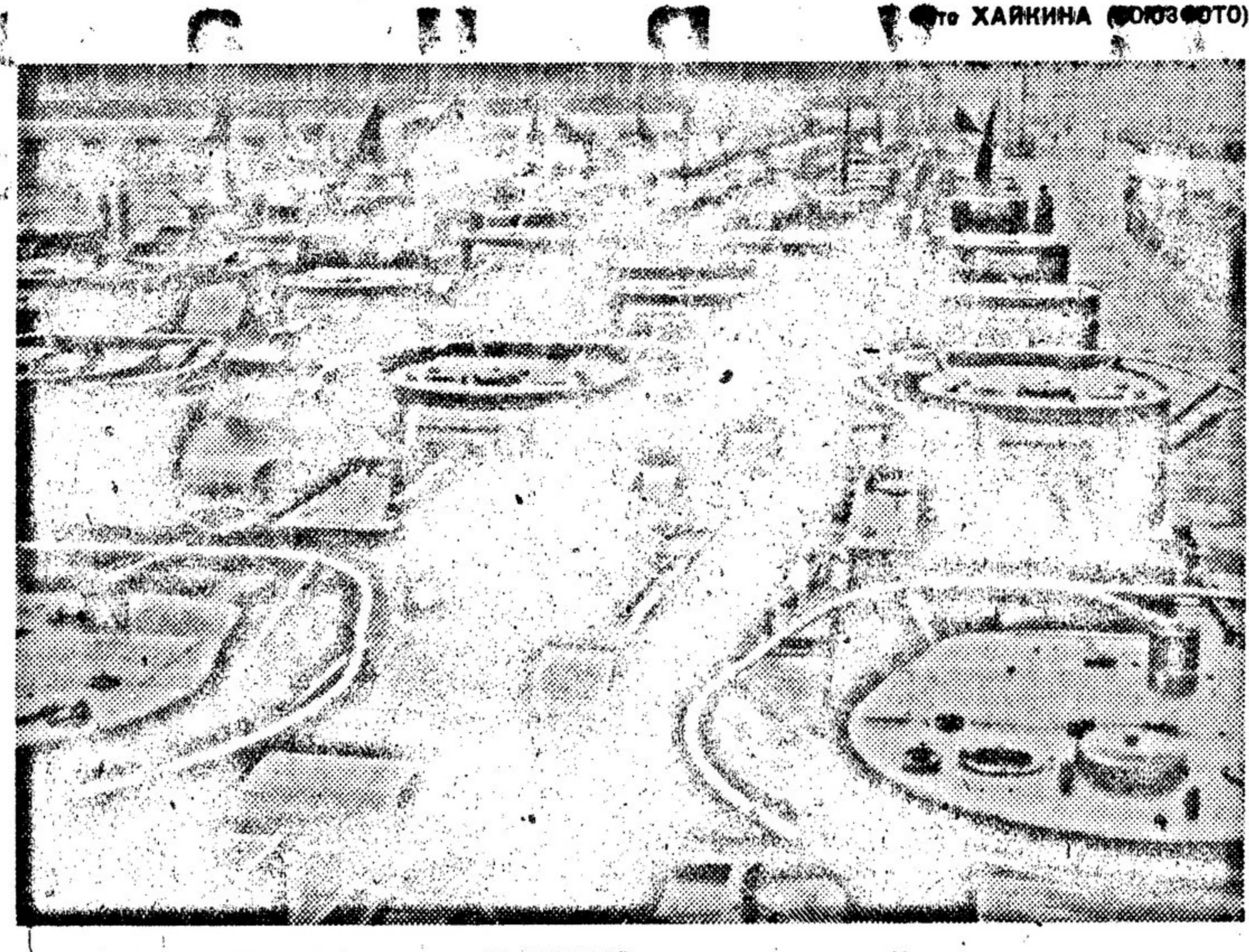
«Технические рассказы» — первая книга Атанова...

Оно заключается в единой теме, пронизывающей все очерки...

Первые очерки Атанова были сделаны так, что фокусом избранных являлся человек...

«Технические рассказы» Атанова, представляющие интересное литературное явление...

Автор оправдывает название этой книги тем, что «все это — документальная основа»...

1 мая 1936 г. в Ленинграде. НА СНИМКЕ: танки на площади Урицкого перед парадом

СЦЕНИЧЕСКИЙ ПУТЬ «РЕВИЗОРА»

К столетию со дня первой постановки

Сценическая история «Ревизора»...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

Ведельский театр эпохи Гоголя стремился унести зрителя от «общих вопросов к бытовым мелочам»...

Вслед за первым представлением комедии Гоголя на сцене Александринского театра был поставлен драматический спектакль...

Третья по счету, считая первыми двумя — петербургскую и московскую, и первая на юге России премьера «Ревизора»...

С первых же слов — ростовского на-Дону горничного отбросить в жар и в холод...

На-днях в Государственном театре им. Мейерхольда состоялся первый публичный репетиции...

действовать «Ревизору» Гоголя теми же средствами художественного воздействия...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

Ведельский театр эпохи Гоголя стремился унести зрителя от «общих вопросов к бытовым мелочам»...

Вслед за первым представлением комедии Гоголя на сцене Александринского театра был поставлен драматический спектакль...

Третья по счету, считая первыми двумя — петербургскую и московскую, и первая на юге России премьера «Ревизора»...

С первых же слов — ростовского на-Дону горничного отбросить в жар и в холод...

На-днях в Государственном театре им. Мейерхольда состоялся первый публичный репетиции...

цензура, предложившая снять «Ревизора» с репертуара в виду того, что он производит «слишком сильное впечатление на публику и притом не то, какое желательно правительству»...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

Ведельский театр эпохи Гоголя стремился унести зрителя от «общих вопросов к бытовым мелочам»...

Вслед за первым представлением комедии Гоголя на сцене Александринского театра был поставлен драматический спектакль...

Третья по счету, считая первыми двумя — петербургскую и московскую, и первая на юге России премьера «Ревизора»...

С первых же слов — ростовского на-Дону горничного отбросить в жар и в холод...

На-днях в Государственном театре им. Мейерхольда состоялся первый публичный репетиции...

«Странствования сердца»

«Странствования сердца» Натальи Ивонны обещает нечто значительное...

Почти нищая, эксплуатиремая, ненавидимая заводника-домовладельца, горькой стоянкой над ее детством...

Чужой остается Зина и в предпринятии, и в вузе. Она одинока и безучастна ко всему...

Выбор такого незначительного объекта, естественно, суживает возможности молодой писательницы...

Эти тенденции превращения «Ревизора» в сугубо «исторический» и натуралистический спектакль...

Чем дальше отходил русский театр от реалистического изображения действительности...

Другое дело, что именно этот спектакль и породил ту самую «Мейерхольдовщину»...

Наконец, нельзя не отметить, что «Ревизор» идет почти на всех сценах национальных театров народов СССР...

Перед советским театром сейчас стоит ответственнейшая задача — до конца раскрыть содержание гениальной комедии...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

Ведельский театр эпохи Гоголя стремился унести зрителя от «общих вопросов к бытовым мелочам»...

Вслед за первым представлением комедии Гоголя на сцене Александринского театра был поставлен драматический спектакль...

Третья по счету, считая первыми двумя — петербургскую и московскую, и первая на юге России премьера «Ревизора»...

С первых же слов — ростовского на-Дону горничного отбросить в жар и в холод...

«Странствования сердца» Натальи Ивонны обещает нечто значительное...

Почти нищая, эксплуатиремая, ненавидимая заводника-домовладельца, горькой стоянкой над ее детством...

Чужой остается Зина и в предпринятии, и в вузе. Она одинока и безучастна ко всему...

Выбор такого незначительного объекта, естественно, суживает возможности молодой писательницы...

Эти тенденции превращения «Ревизора» в сугубо «исторический» и натуралистический спектакль...

Чем дальше отходил русский театр от реалистического изображения действительности...

Другое дело, что именно этот спектакль и породил ту самую «Мейерхольдовщину»...

Наконец, нельзя не отметить, что «Ревизор» идет почти на всех сценах национальных театров народов СССР...

Перед советским театром сейчас стоит ответственнейшая задача — до конца раскрыть содержание гениальной комедии...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

Ведельский театр эпохи Гоголя стремился унести зрителя от «общих вопросов к бытовым мелочам»...

Вслед за первым представлением комедии Гоголя на сцене Александринского театра был поставлен драматический спектакль...

Третья по счету, считая первыми двумя — петербургскую и московскую, и первая на юге России премьера «Ревизора»...

С первых же слов — ростовского на-Дону горничного отбросить в жар и в холод...

На-днях в Государственном театре им. Мейерхольда состоялся первый публичный репетиции...

«Да будет день?»

Так понятно, что Болгария обладает богатой революционной поэзией...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

Ведельский театр эпохи Гоголя стремился унести зрителя от «общих вопросов к бытовым мелочам»...

Вслед за первым представлением комедии Гоголя на сцене Александринского театра был поставлен драматический спектакль...

Третья по счету, считая первыми двумя — петербургскую и московскую, и первая на юге России премьера «Ревизора»...

С первых же слов — ростовского на-Дону горничного отбросить в жар и в холод...

На-днях в Государственном театре им. Мейерхольда состоялся первый публичный репетиции...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

Ведельский театр эпохи Гоголя стремился унести зрителя от «общих вопросов к бытовым мелочам»...

там весна огневая в ореоле рубиново и звезд. Эти два образа — детей, лишенных материнской груди...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

Ведельский театр эпохи Гоголя стремился унести зрителя от «общих вопросов к бытовым мелочам»...

Вслед за первым представлением комедии Гоголя на сцене Александринского театра был поставлен драматический спектакль...

Третья по счету, считая первыми двумя — петербургскую и московскую, и первая на юге России премьера «Ревизора»...

С первых же слов — ростовского на-Дону горничного отбросить в жар и в холод...

На-днях в Государственном театре им. Мейерхольда состоялся первый публичный репетиции...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

Ведельский театр эпохи Гоголя стремился унести зрителя от «общих вопросов к бытовым мелочам»...

На-днях в Государственном театре им. Мейерхольда состоялся первый публичный репетиции...

СЛУЧАЙ С «РЕВИЗОРОМ»

Третья по счету, считая первыми двумя — петербургскую и московскую, и первая на юге России премьера «Ревизора»...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

С первых же слов — ростовского на-Дону горничного отбросить в жар и в холод...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

На-днях в Государственном театре им. Мейерхольда состоялся первый публичный репетиции...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

У ПИСАТЕЛЕЙ АБХАЗИИ

А. ФАДЕЕВ В СУХУМЕ

Находящийся в Сухуме писатель А. Фадеев принимает активное участие в работе местной литературной организации...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

Ведельский театр эпохи Гоголя стремился унести зрителя от «общих вопросов к бытовым мелочам»...

же и то, что в нем более полно, чем в первом выпуске, отражена советская Абхазия...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

Ведельский театр эпохи Гоголя стремился унести зрителя от «общих вопросов к бытовым мелочам»...

ПУБЛИЧНЫЕ РЕПЕТИЦИИ В ТИМ

На-днях в Государственном театре им. Мейерхольда состоялся первый публичный репетиции...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

Ведельский театр эпохи Гоголя стремился унести зрителя от «общих вопросов к бытовым мелочам»...

На-днях в Государственном театре им. Мейерхольда состоялся первый публичный репетиции...

«Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно, так странно...

«Ревизор» была борьбой вокруг центральных проблем искусства...

Ведельский театр эпохи Гоголя стремился унести зрителя от «общих вопросов к бытовым мелочам»...

На-днях в Государственном театре им. Мейерхольда состоялся первый публичный репетиции...

ФОТО МАРКОВА (Союзфото).

«ДВЕ ПЯТИЛЕТКИ» и народное творчество

В ФОЛЬКЛОРНОЙ СЕКЦИИ ЦСР

Один из томов, намеченных к изданию редакцией «Двух пятилеток», будет целиком посвящен творчеству народов СССР.

Больше года ведется работа по подготовке этого тома, но, к сожалению, результаты этой работы значительно ниже тех, на которые можно было рассчитывать. Причина — в инертном отношении фольклористов к поставленным перед ними задачам.

В частности, большая доля вина падает на фольклорную секцию ЦСР, обнаружившую неоправданную неготовность. Она, как это выяснилось из выступления Г. А. Шербакова, Г. Курбатовича и др. на специальном совещании фольклорной секции (29 апреля), до последнего времени ограничивалась лишь тем, что передавала поступающие к ней материалы в редакцию «Пятилеток», полагая никакой организационной работы в этом направлении не вела.

Особенно поражают до последнего момента, повидимому, еще не увидевшие себя, в чем будут заключаться особенности тома «Народное творчество», в который войдет только советский фольклор. Последовательский фольклор должен пользоваться особым вниманием пятилеток. Если редакция «Двух пятилеток» и собрала кое-какие материалы этого рода, то преимущественно благодаря соседству и инициативе мест, благодаря главным образом помощи партийных организаций областей и республик.

В процессе подготовки к изданию «Двух пятилеток» вскрываются и многие другие недостатки в работе наших фольклористов. Следует, в особенности, отметить странное пренебрежение к русскому фольклору. Нашлись люди, которые даже пытаются свою слабую работу в этой области теоретически оправдать: они утверждают, что слабость русского народного творчества объясняется якобы наличием

очень развитой художественной литературы на русском языке. Действительность этих «теоретиков». Только немного больше активности со стороны фольклорной секции, только бы поскорее установили связи с живой жизнью — и фольклористы открыли бы, несомненно для себя, такие богатые источники русского народного творчества, что все их культурные теории рассеялись бы, как дым.

Может, однако, отбору лучших материалов для тома «Народное творчество» и явления другого порядка, выполняющие нас вплотную к проблеме борьбы за новую, социалистическую, этическую и творческую среду. Среди фольклористов имеются еще люди, не останавливающиеся и перед заведомо фальсифицирующей, лживой, у которых на первом плане соображения конкуренции, что побуждает их придраться к дурным материалам до более «подходящего» времени. Только эти люди могут объяснить и тенденцию многих местных фольклорных организаций — действовать отдельно, создавать свои областные или республиканские сборники к пяти годам, который предполагается выпустить редакция «Двух пятилеток».

Фольклорная секция ЦСР должна бороться с этим разрозненным, повсюду широко пропагандистскую работу среди фольклористов, не забывая, однако, как это подчеркивается в своей заключительной речи Г. Шербаков, что во главу угла должны быть поставлены организационные мероприятия. Вся работа секции фольклора ЦСР должна быть на ближайшие месяцы подчинена задачам, связанным с созданием тома «Народное творчество». Время не терпит. Если секция не перестроится в кратчайший срок, то ее роль в создании тома «Двух пятилеток» сведется к нулю.

Я. РОДИН.

УДАЧА ДРАМАТУРГА

Нельзя не присоединиться к той оценке, которая была дана новой пьесе А. Бруштейн «Голубое и розовое» на обсуждениях в ЦСР (15 апреля) и в редакции «Комсомольской правды» (3 мая). Это большая и бесспорная удача автора. Можно себе представить, как возмущено будет реагировать юная аудитория, когда на подмостках театра оживут персонажи этой пьесы.

Действие ее происходит в 1905 г., в провинциальной женской гимназии выскочного типа в «голубом и розовом» свете представляется некогда этот замкнутый мир наивным читателям Чарской.

А. Бруштейн наносит удар по этим представлениям, своей пьесой она развращает инстинкту романтику. Нет, не инстинкту и розового, а мир бесмысленного подвешивания человеческого достоинства, миру буржуазности, беспривия, неужели, карьеризма и лжи. И нужна обладать упорной волей, какой-то особенной благородной закалкой, какой обладает центральная фигура пьесы Женя Шверова, чтобы не раствориться в этой среде, найти выход на клубка трагических противоречий.

Автор пьесы превосходно знает

изображаемую действительность и умеет показывать ее правдиво, не прибегая ни к каким преувеличениям, не пользуясь приемом ступенчатости красок. Действие пьесы полно драматического напряжения, язык — индивидуализированный, согретый теплым юмором, не сниженный бытовыми интонациями. Главная удача автора — это персонажи пьесы. В живых, четко выписанных образах Бруштейн сумела раскрыть сложность отношений внутри гимназии, в обстановке надвигающейся революции.

И удивительно вот что: революция ни разу не врывается на сцену, она все время там, за окнами, окрашенными мемом, во воздухе слыны полон ею, мы внятно ощущаем ее неудержимое нарастание. Это увеличивает напряженность действия, создает большую драматичность фона, заставляет слушателя и зрителя о всей конкретности охватить обстановку, в которой разыгрываются события.

«Голубое и розовое» хорошо завершает цикл пьес о дореволюционной школе, написанных за последнее время на сцене детского театра.

Я. ЗИДЕЛЬМАН

ФОТО САМОЙЛОВА (Союзфото).

Редактор лучшей на Уралмашиздаво де стенографистки «Литейки» — коммунист И. Ф. Колгин и комсомолец инженер М. Шварцман за выпускном очередного номера

Теоретическая путаница

В статье «Неправильная ориентация» («Литературная газета» № 20) мы выступили против неверной, формалистической ориентации советской поэзии и безответственной критики, нашедших свое яркое выражение в статье Д. Тмарченко к книге Волкова «Поэзия русского империализма», напечатанной в «Литературном Ленинграде».

В № 20 «Литературного Ленинграда» Тмарченко выступил с довольно путаным ответом на нашу статью. Вторая статья Тмарченко построена по тому же принципу, что и первая, — на перекрестках и выдернутых цитатах.

Тмарченко совершенно обходит молчанием наши главные обвинения по его адресу. Мы критиковали его за то, что он превращает в догму «правильно» баллаковского героя Стефана Лусто о противоположности метода и мировоззрения художника и переносит механически его на поэзию декламации. Отсюда, согласно своей «логике», Тмарченко обвиняет книгу Волкова в вульгарном социальном догме за то, что в ней художественная форма рассматривается в тесной связи с содержанием поэзии декламации.

Мы, далее, критиковали Тмарченко за то, что он неадекватически подходит к художественному наследию, отводя «почетное место» символизму, что обходит его с другими «теоретиками» («Литературного Ленинграда»). Естественно, что подход к таким понятиям к оценке книги Волкова, направленной против формализма, Тмарченко приходит к огульному охаиванию ее.

Таковы главные исходные пункты нашей статьи «Неправильная ориентация». В своем ответе Тмарченко ухитрился обойти полным молчанием эти главные положения нашей статьи. Он сделал это потому, что невозможно опровергнуть их, оговорки выдержав позу неимпериализма к формализму, которую он принял во второй статье.

Допустим, что книга Волкова, как утверждает Тмарченко, является «рабочим повторением формалистической критики империализма», что книга утверждает те взгляды, которые высказывали формалисты и их последователи. В таком случае возникает вопрос, почему тогда Тмарченко обошел все это полным молчанием в своей первой статье, и понадеялся наша статья, чтобы он «вспомнил» о формализме?

Критик Тмарченко обвиняет нас в передергивании статьи Степанова, уверяя читателя, что автор ее отрицательно оценивает поэтическое наследие акмеизма. Чтобы доказать фальсифицированность этой версии Тмарченко, приведем главное положение статьи Степанова: «В период создания поэзии социалистического реализма, в поисках новых путей поэтического слова следует выискивать и отрицательные стороны предшествующей поэзии, в частности — акмеизма. Это тем более необходимо, что принцип акмеизма приобрел за последнее время особенно большое значение. Не говоря уже о творчестве Зенкевича и Нарбута, под влиянием которого проходила работа таких поэтов, как Вятрович, Сайнов, Антокольский, Стргов, Тихонов («Врата») и ряда молодых поэтов (Шагараев и др.).

Последняя книжка стихов В. Саянова «Золотая Олема», знаменитая несомненною удачею поэта, выставляет особенно внимательно определенную роль акмеизма в современной поэзии, тем более что акмеистическая культура стиха начинает за последние время вытеснять футуристическую. В поисках путей преодоления абстрактного, бесцветного, инертного стихового слова поэты снова обращаются к стихам акмеистов, к принципам четкой композиционной структуры стиха».

Как видим, Тмарченко сознательно фальсифицирует смысл статьи Степанова. Степанов, как и Оксенов, заносит по ведомству акмеистических принципов то, что на самом деле является достоянием советской поэзии, одновременно третью поэзию Маяковского, которая у него покрывается понятием футуризма.

«Теоретик» Степанов ставит акмеизм в один ряд с классиком, одновременно барски третью поэзию, включенных им в футуристическую

культуру — Аксева, Кирсанова и даже Сельянского. Мы указывали уже, что Степанов и Оксенов никак не пересматривали своих неправильных взглядов.

Тмарченко также сознательно превращает взгляды А. Волкова на классицизм и акмеизм. В книге Волкова по-прежнему, что и у нас, как одна из струй внутри символизма возник задолго до акмеизма и во многом подготовил его художественные принципы. Этим самым устанавливается художественная преемственность акмеизма от символизма и, следовательно, распространяемому мнению о их противоположности. Тмарченко продолжает несвойственную операцию. Он понятие символизма покрывает именем А. Блока, понятие акмеизма — именем Кумина (?), и приписывает Волкову вывод, что Кумин вывел Волкова, а значит — акмеизм вывел омагозисма. Так вульгарно-прощенно представляются Тмарченко эти крайние противоположные литературные направления.

Тмарченко считает нужным взять под свою защиту А. Блока. Кстати, его слова о Блоке — это единственное «честое», где он пытается высказать свою позитивную точку зрения. И вот здесь-то Тмарченко попадает в очень неловкое положение. Тмарченко пишет: «Утверждая, что дворянская литература к началу XX века окончательно выродилась и потеряла всякую ценность, Волков по сути дела очерчивает не только Вяч. Иванова, но и Блока».

В противоположность Тмарченко Волков конкретно-исторически полковоит к Блоку, отмечая, что «творчество Блока целиком не укладывается в рамки дворянской идеологии», что он совершил переход на иные социальные рельсы».

Тмарченко, чувствуя шаткость своей позиции, переносит спор в иную плоскость. «Значит ли это, — пишет Тмарченко, — что мы должны одинаково относиться к Вяч. Иванову и Блоку? А между тем именно в этом суть нашего спора о Волкове». Если в этом суть спора, то спор этот напрасный.

Волков говорит о принципиальной разнице позиций этих писателей: «В своей «сообразности» он (Блок) обманывается с Вяч. Ивановым, который, однако, оказался более «чужим» к голосу столичной современности и уже накануне войны стал полуголосым выразителем империалистической идеологии. Блок, несмотря на попытки «перестроиться», все же не встал на путь Мережковского и Вяч. Иванова. Вместе с любовью к «неверной России» он доходит до ненависти к столичной государственной машине... В отличие от своих бывших соратников Блок вылетел из лирического улобка радости, а «кровяной ответ» со дня войны, а в сердцах «роково-пустоты». В поисках истины он ощущает себя сыном «страшных лет России» и предвидит социальную катастрофу».

Именно то, что отмечает Блок от Вяч. Иванова, и даю возможность поэту создать такие несомненно революционные произведения, как «Двенадцать», «Скифы». А по мнению Тмарченко, все это — выражение дворянской идеологии. А раз так, то дворянская литература, естественно, далека от улобка».

В обеих статьях Тмарченко некомпетентность в материале сопровождается теоретической путаницей.

Нас удивляет позиция редакции «Литературного Ленинграда», которая предоставляет место для теоретической путаницы Тмарченко. Невольно возникает недоуменный вопрос: чем объяснить столь повышенную активность «Литературного Ленинграда» в охаивании книги А. Волкова? За короткий промежуток времени газета напечатала три статьи на эту тему. Редакция неправомерно отвечает ко всем выноскившимся в оценке этой книги. Так, в одном из «Литературных ленингов» газета высокомерно выражает удивление, что «не «такое мнение» журнала «Революция», поместившего положительную рецензию на книгу Волкова. Как будто мнение «Литературного Ленинграда» окончательно и критике не подлежит. Не кажется ли редакции «Литературного Ленинграда», что она всерьезно переоценивает свой удельный вес в литературе?».

Н. ДМИТРИЕВ

1 мая 1936 г. в Москве. НА СНИМКЕ: пионеры на Красной площади

ОБРАЗЦОВЫЙ ДОМ ТВОРЧЕСТВА

Всем литераторам известно, насколько трудно работать в Москве. Многие готовы были бы просто отъехать даже от телефона и скрыть свой адрес, только бы обеспечить себе возможность спокойствия и сосредоточенности, так необходимых для серьезного литературного труда.

Недалеко от Москвы, в Голыцине, существует место, специально приспособленное для творческой работы писателей. Это небольшой дом на девяти комнатах, вся обстановка в котором рассчитана на то, чтобы создать лучшие условия для этой цели. Заботливый персонал обеспечивает писателю спокойствие и все удобства. Руководит домом тов. С. И. Фомкина. Не только прекрасный хозяйственник и организатор, но и человек, хорошо понимающий особенности литературного творчества в Голыцине.

Нам кажется, что голыцинский дом — одно из самых важных мероприятий Литфонда, если не самое важное, так как оно направлено непосредственно к пользе литературы. К сожалению, дом этот пока один и рассчитан на 15—20 человек. Необходимо продолжить начатое хорошее дело. Это не значит, однако, что дом надо расширить, напротив, дома такого рода не должны быть большими. Литфонду следует «размножить» подобные дома творчества, взяв за образец опыт, стиль и достижения голыцинского дома.

А. Малышкин, З. Миндлин, И. Новик, И. Рахилин, Я. Рыкачев, Е. Троценко, М. Шагинян, В. Фикин, Я. Янкаян, Л. Аргутинская, А. Бусыгин, Н. Вирта, Б. Грифцов, Я. Дрейфус, И. Жига, А. Зуев, В. Казин, И. Катаев, П. Кучин, М. Лифшиц

Скромный юбилей

В мае этого года исполняется пятилетие существования книжной лавки Союза писателей. Это большое книжное предприятие.

Пять лет назад весь книжный фонд лавки насчитывался в пять тысяч рублей, сейчас он оценивается в миллион рублей.

Свою книжную лавку, ставшую тесной за пять лет, забитую до потолка книгами, любят не только писатели, но и художники, артисты, ученые. Здесь часто можно видеть Демьяна Бедного, Л. Леонова, Вс. Иванова, В. Шкловского, Афиногенова, Курьяникова, Довженко, Эйзенштейна, народных артистов республик Леонида Качалова, Катальскую, литературоведов и ученых Луполова, Давиленкова, Цявловского, Молдавского, крупных военных работников, библиотекарей.

У книжных полок возникают между книжками горячие споры о старых и новых изданиях, граверных альбомов.

Скопачивали и создавали лавку писатели опытные мастера книжного дела М. И. Шнигов и Д. С. Аленинштадт — люди большой квалификации, исключительной памяти на названия, тиражи и издания книг.

С пятилетием книжной лавки писателей совпадает пятидесятилетие работы за книжным прилавком заведующего отделом иностранной литературы Михаила Алолфовича Иогансона.

Пожелаем работникам известной всей стране книжной лавки писателей дальнейших успехов на таком важном участке советской культуры, как работа с советской и старой книжной историей.

Библиофил

«Ванька-встанька»

Вышел первый номер иллюстрированного издания для детей «Ванька-встанька».

«Веселые странички для малышей» — гласит подзаголовок этого издания, определяющий и его тип и напечатанный в нем материал.

ИСКУССТВО РЕВОЛЮЦИОННОЙ АГИТАЦИИ

В дни майских торжеств по радио выступил исполнить немецких революционных песен Эрст Буш. Огромное впечатление, произведенное этим замечательным мастером, надолго останется в памяти.

Буш поет и говорит (его пение приближается к речитативу) о вещах простых и бытовых в условиях капиталистических стран: о голоде, о повседневной борьбе рабочего класса, о коротком труде «золотых солдат» в концентрационных лагерях фашистской Германии. И каждый отдельный факт поднимается до огромного художественного обобщения.

Антитанковые тезисы произведенный, исполненный Бушем, до крайности просты. Но за этой простотой кроется жизненный опыт миллионов, несгибаемая воля к освобождению трудящихся масс, огромная вера в дело рабочего класса. Четкая логика доводов овевна пламенным революционным чувством, поэтому она необыкновенно убеждает и впечатляет.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

КОЛХОЗНИКИ ГРУЗИИ ИЗУЧАЮТ РУСТАВЕЛИ

В связи с исполняющимся в будущем году 750-летием со дня рождения Шота Руставели во многих районах Грузии организуются руставелианские комитеты. Одна из задач комитетов — популяризация творчества гениального поэта среди колхозников.

Многие из колхозников знают наизусть целые главы поэмы «Носачий тигруль шукур». Афоризмы Руставели давно вошли в разговорную речь трудящихся грузинских деревень.

На днях колхозники Лагокеоского района провели у себя читательскую конференцию, на которую съехало до 300 колхозников — читателей-активистов. На конференции лучшие лагокеоские колхозники, читающие художественную литературу, взяли на себя обязательство к 750-летию колхозников со дня рождения Руставели ознакомиться всех без исключения кол-

хозников и колхозниц района с его поэмой путем самостоятельного чтения или на коллективных читках, проводившихся во всех колхозах района.

Колхозники, собравшиеся на читательскую конференцию, выразили желание ознакомиться с эпохой Руставели и его жизнью. Конференция поручила местному руставелианскому комитету пригласить из Тифлиса профессора Нудубидзе, Кекелидзе и Нанореква для докладов на темы, интересные колхозников.

В числе мероприятий, способствующих широкому ознакомлению колхозников с творчеством Руставели, руставелианские комитеты в колхозах выделяют чтение, которое проводится в отдельных бригадах на трудящихся для коллективных читок поэм. Каждая колхозная библиотека будет обеспечена 2—3 экземплярами поэмы.

Б. РЕСТ.

ЛЕНИНГРАД. (По телеграфу).

ПРЕКРАСНОЕ НАЧИНАНИЕ

Инициативу руководителя московских библиотекарей т. Н. С. Хрущева — открыть районные детские парки — первым подхватил Дзержинский райком ВКП(б). В центре района находится разрушенное, заброшенное Лазаревское кладбище, заросшее старыми ветвистыми толоями.

Здесь и решено было разбить парк для детей.

Парк разбит в десять дней. — 19 апреля — рассказали нашему сотруднику секретарю Дзержинского районного партия тов. Перчик — мы приступили к работе, и 2 мая, если бы нам не помешала погода, мы могли бы открыть парк для гулянья. Мы его открываем 6 мая. Торжество открытия состоится несколько позже, в конце мая, когда строительство парков и вся декоративная работа будут завершены.

Помимо множества аттракционов для ребят, спортивных площадок, эстрады, киосков и пр., — в парке построен большой павильон, предназначенный Деталату, которую вверна вся литературная работа о детях. В павильоне этом книги будут грядывать, читаться вслух и про себя в громких и тихих читальнях, выдвываясь детям на руки из библиотек.

В специальном тектическом кабинете ребята познакомом с производственным процессом создания книги. В комнате детского писателя юные читатели будут встречаться с авторами любимых книг, слушать новые, еще не изданные произведения, проводить беседы. Детский парк явится базой летней массовой работы Деталата.

Павильон будет обставлен специальной мебелью, украшен картинами, цветами.

Дети, живущие в районе Марьино рощи, приглашаем к парку, о котором мы ждем от вас открытия. Замечательный парки Дзержинского района партия должна пережить и другие районы Москвы.

Хроника искусства

★ Слет юных рассказчиков состоялся 15 мая в Центральном доме художественного воспитания детей — первым подхватил Дзержинский райком ВКП(б). В центре района находится разрушенное, заброшенное Лазаревское кладбище, заросшее старыми ветвистыми толоями.

★ Весновская выставка театров юных артистов и театров южког посетило уже свыше 1000 человек. На ней побывали чехословацкие и английские педагоги. В своих отзывах посетители отмечают большой творческий рост периферийных детских театров СССР.

★ При Центральном доме художественного воспитания детей им. А. С. Бубнова создается экспериментальный кружок педагогов-рассказчиков.

Книжная хроника

★ «Робинзон Крузо» Д. Дефо. Это — богатая оформленная книга с 17 рисунками акыл П. Н. Карповского.

★ «Чапала» Д. Фурманова, с иллюстрациями худ П. Соколова-Скаля, выйдет в усовершенствованном издании 25-тысячным тиражом.

★ «93-й год» В. Гоголя. Второе издание в новом оформлении, с иллюстрациями французских художников, воспроизведенными на старинных изданиях В. Гоголя.

★ «Сказки» К. Чуковского. В сборнике о сказок, иллюстрированных К. П. Ротомым «Мойдодур», «Мухомочиха», «Федорино горе», «Тараканье», «Телефон», «Цыганка», «Вармале», «Лампопо» и «Украденное солнце».

★ Необыкновенное представление С. Розована, в оформлении худ А. Брей. Книжка для детей младше возраста.

Отвественный редактор Л. М. СУБОЦНИЙ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Поепский пер., д. 26, тел. 89-86 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-88.

О ПСЕВДОНАРОДНОСТИ В ИСКУССТВЕ

ОКОНЧАНИЕ СТАТЬИ В. КЕМЕНОВА

дел, которое не могло не сказаться также на развитии иконописи. Однако здесь есть существенное отличие: собственно о живописи в языческой Руси нет почти никаких сведений, почему начало ее связывают с привезенными Владимиром из Корсуни иконами, крестами и книгами — продуктами уже развитого византийского искусства.

Но все дело в том, что в самом-то византийском искусстве никогда не прекращалась борьба языческих элементов — остаток распада эллинистической культуры, близкой и понятной народу с антинародными, собственно христианскими элементами.

«На каждом шагу, — пишет Вайе, — в рассказах, народных песнях и народных обычаях оживает воспоминание об эллинических богах». Многие из них смешались с христианскими святынями; но под этой замаскированной личностью сохранялись по-прежнему черты древних богов».

Достаточно сопоставить равные византийские иконы и мозаики, еще целиком находящиеся под эллинистическим влиянием, с более поздними, исполненными в истинно христианском перевержении к ирредо к человеку, чтобы понять тот вред, который эта религия нанесла искусству. Тот же процесс борьбы христианской перки за вытеснение народных языческих элементов, который определил собой все развитие собственно византийского искусства, в своеобразных формах повторился в истории древнерусской живописи.

Таким образом так называемое «византийское влияние» не есть одно сплошное целое, и его отношение к русской народной фантазии —

вопрос более сложный и противоречивый. Народные элементы византийского искусства, поскольку они не были окончательно задушены политическим бесправием народа, страхом его перед сверхъестественной силой бога и монарха, могли в известной мере оказывать положительное влияние на русскую иконопись именно своими антихристианскими, языческими элементами. И хотя коренное мировоззрение восточных славян было совершенно иным, чем остатки эллинизма византийцев, переработка этих эллинистических элементов помогла народно-реалистической струе в ее борьбе против деспотически навязанной и чуждой народу церковной византийщины.

С другой стороны, собственно церковные, христианские религиозные элементы византийского искусства тоже оказывали влияние на русскую иконопись, пока не восторжествовали окончательно в виде изображений «святынь» с искаженными пропорциями тела, искусственно изогнутыми движениями, мертвыми, как бы копыченными лицами, лишеными всякого человеческого облика и жизненной правдивости. Пышная паразитическая строгая византийская богоявления так же не может быть признана народной, как и изображения безобразных аскетов с тошными, угловатыми членами суровыми, как бы выпрежанными из дерева черными лицами с телами, искусственными глазами и носом.

Уже в 1948 г. в «Немецко-французских летописях» Марко приводит следующее предельное мировоззрение ирредо: «Христианство — человеческое искусство собственного достоинства, искусство свободы понало в груди этих людей. Только это чувство, которое в прекама оставило мир, а о христианством открылось в небесном тумане,

может снова сделать общество союзом людей для осуществления их высших целей...».

Победа христианства свершилась ценой отказа от красоты и озабоченности мрачных торжеством безобразия в иконописи. Но разве вправе мы относить это за счет народа? Нет, совершенно прав был Добролюбов, когда возражал одному историку русского поэзии, «который все безобразное русских сказок и песен складывает на народность».

«Мы думаем, — писал Добролюбов, — что нет у нас достаточно данных для того, чтобы обвинять народность в безобразиях поэзии и даже самой живописи; а есть, напротив, данные, позволяющие видеть причину их в обстоятельствах, пришедших извне». Это замечание великого критика справедливо не только по отношению к русской народности, но и по отношению к населению Византийской империи, где страх перед богом, деспотизм, провал, отсутствие личной свободы и политическое бесправие народа закреплялись безобразиями искусства. У нас нет не только никаких оснований приписывать безобразия христианского искусства народу, но, наоборот, есть основания обвинять их в них и народности его жанра. И если в лучших произведениях иконописи сохранялись элементы живой народности и реализма, то это лишь потому, что реалистическая логика была бессильна окончательно подавить народность и человечность искусства.

Знаменитая византийская икона 7-й К. Марко. Из парижски 1848 г. Соч. т. I, стр. 353.

8 Добролюбов. Соч. т. I, стр. 478—479.

ХI в., так называемая «Владимирская богья мать», тем и замечательна, что в ней вопреки христианству передано простое человеческое чувство материнской любви и заботы.

Практика обращения формалистов к ирредо показала, что их интересует не эти живые человеческие чувства, а также и не реалии деталей и не наблюдательность в клеймах, а именно иконная омертвелость, неподвижность, ритм линий, достигнутый ценой отказа от естественных движений и искажением правильных пропорций тела и лица; пышная декоративность, орнаментальность складки, волос и лии, ставшая композиция и т. п. Не случайно, устремляясь к древнерусской живописи, формалисты противопоставляют ее искусству итальянского Возрождения и линии раз доказывают эти свои превращения к мертвой церковности и равнодушие к народности и жизнениости искусства.

«Рембрандт писал мадонну с иудейской крестьянкой», — заметил однажды Марко». Но подлинная народность великих мастеров прошлого безразлична для наших стремительных новаторов.

Художественные принципы, которые исповодуют современные формалисты, побуждают их в вопросах наследия ценить не прогрессивные, а реакционные стороны, не жизнениость, а отход от жанра, не здоровую человеческую красоту народа, а безразличность и уродство.

При таком подходе, сколько бы формалисты ни расширяли перед народностью, они не понимают, в чем народность византийского искусства, еще меньше то понимают, в чем народность древнерусской иконы, и, наконец, совсем не понимают, что такое наша социалистическая народность и какое ее отношение к художественному наследию.

7 К. Марко. «Дебаты о свободе печати». Соч. т. I, стр. 178.